Шидловская Н.А. Опыт воспитания и приручения птенцов гаги обыкновенной (Somateria mollissima) // Научно-методические записки. Выпуск YIII (4-ый год издания). Издание главного управления по заповедникам, зоопаркам и зоосадам. Москва 1941. Стр.235-240.

Н. А. Шидловская

ОПЫТ ВОСПИТАНИЯ И ПРИРУЧЕНИЯ ПТЕНЦОВ ГАГИ ОБЫКНОВЕННОЙ (SOMATERIA MOLLISSIMA)

1 августа 1939 г. на Северную опытно-акклиматизационную станцию Главного управления по заповедникам в губе Ярнышной были принесены 4 птенца гаги, отобранные у жителей поселка Дальние Зеленцы. Птенцы было пойманы 26 июля на одном из островов бухты Дальнезеленецкой в возрасте 1—2 суток. В течение 4 дней они жили в квартире и служили предметом забавы для детей, поэтому вид их был в достаточной степени жалок. Птенцы представляли собой крошечные взъерошенные комочки, пушок вокруг глаз слипся от выделений, глаза тусклые. У одного птенца были раздавлены пальцы лапки с повреждением костей и перепонки. Все они непрерывно и жалобно пищали.

Памятуя о том, что температура тела птенцов всех птиц в постэмбриональный период подвержена значительным колебаниям в зависимости от температуры окружающей среды, мы обратили особое внимание при воспитании гагачат на их согревание. Гагачата были помещены в утепленную ватой корзину, поставленную возле печки так, чтобы температура в ней

держалась около 40° С. Корзина была накрыта сверху мелкоячеистой сетью, не препятствующей вентиляции; вата ежедневно сменялась, и корзина проветривалась.

В течение первой недели, с 1/VIII по 7/VIII, кормление производилось 10 раз в сутки с 5 час. утра до 11 час. вечера с интервалами в 2 часа. Во время кормежки и после нее гагачатам предоставлялся моцион на 15—20 минут, после чего они снова помещались в теплую корзину и быстро в ней засыпали. Когда наступало время следующей кормежки гагачата начинали пищать и теребить сетку и успокаивались только после кормления.

На третий день два гагаченка выглядели вполне бодрыми. Глазки стали блестящими, сами они пушистыми, чистыми. Два других — «Хромоножка» и «Малыш» — были несколько пассивны, мало гуляли и после кормления тотчас же устраивались на отдых. Аппетит у всех был одинаково хороший. В этот день, 3/VIII, гагачат впервые вынесли из помещения и допустили к воде. Здоровые гагачата сразу сошли в воду и вели себя очень оживленно. № 1 купался в течение 5 минут и почти непрерывно нырял. № 2 купался в течение 3 минут, нырнув только раз. «Хромоножка» спустился на воду и, сделав один круг, вышел на берег, ни разу не нырнув. «Малыш» в воду не сошел. После купанья гагачата снова были помещены в корзину для обогревания.

4/VIII утром стало ясно, что «Малыш» — больной, а не просто слабый, отставший в росте птенец. Он все время искал тепла, забивался под других гагачат, есть стал плохо, а к вечеру умер. Очевидно, он был помят детьми.

Оставшиеся гагачата с этого дня ежедневно по несколько раз выпускались к воде и с каждым днем оставались в ней все дольше. До 2-недельного возраста они после 10—20-минутного пребывания в воде выходили на берег обсушиваться и отдыхать. При этом бросалась в глаза потребность гагачат в согревании. Они плотно прижимались друг к другу, если же сопровождавший их человек присаживался на берегу, они прижимались к нему или еще охотнее взбирались на колени и, устроившись поудобнее, чистились или засыпали. Это стремление пользоваться теплом человека сохранялось у них очень долго. Будучи уже большими, они так же охотно влезали на колени, а когда выпал первый снег (22/IX), то оперившиеся и на вид вполне взрослые гагачата

стремились залезть под поды полушубка, засовывали голову в рукава и вообще всячески пытались обогреться около человека.

Кормление выросших гагачат

В человеке гагачата сразу же признали свою мать. На прогулках они спокойно плавали и отдыхали лишь тогда, когда рядом находилась их приемная мать-человек. Стоило последнему уйти, как гагачата с отчаянным писком торопливо ковыляли следом, спотыкаясь о неровности почвы и растительность. Но большой разницы между людьми они не делали, своей главной воспитательницы особенно не выделяли и одинаково охотно следовали за каждым человеком. В природе наблюдается аналогичное явление: гагачата не особенно привязаны к своей матери и, потеряв ее, легко пристают к любому другому выводку. Часто приходится видеть гагу с разновозрастным потомством, причем разница в возрастах иногда бывает очень большой.

Отсутствие самостоятельности и сильная привязанность к матери-человеку особенно сильно выражались до 2-недельного возраста. На третьей неделе стало возможным иногда оставлять гагачат одних, а затем они и сами стал уходить на ручей, озерко или в бухту. Сначала эти отлучки были очень непродолжительными, гагачата то и дело возвращались в помещение. Ночевали они уже не в корзине, а в теплом углу за печкой на мягкой и теплой подстилке. Днем также по нескольку раз заходили погреться и отдохнуть в свой теплый уголок за печкой. В комнате чувствовали себя так же свободно и непринужденно, как и на улице. Постепенно гагачата отвыкли от помещения, и хотя они попрежнему держались вблизи дома на ручье или в бухте, но ночевать домой стали ходить нерегулярно и только в плохую погоду. С 5-недельного возраста гагачата

совершенно перешли на вольный образ жизни. Главным местом ночевки и дневного отдыха они избрали берег ручья у мостика, нисколько не смущаясь тем, что по мосту то и дело ходили люди. Здесь, заложив головы под крылья, они спокойно спали. Проходящего человека провожали взглядом одного глаза, не вынимая головы из-под крыла.

К этому же времени гагачата стали выходить из бухточки в губу Ярнышную, но далеко от бухты не уплывали и к другим стаям гаг не приставали. Кормились в бухте и в ручье, бродили вокруг дома, хозяйственных построек, за кормом приходили к крыльцу или в комнаты.

11/IX первый раз увидели ручных гаг в стае диких. Они плавали в губе Ярнышной довольно близко от берега. Завидев людей, дикие гаги уплыли к противоположному берегу, а ручные подплыли к людям. С этих пор очень часто видели гагачат в стае диких гаг. Часто они приводили дикарей в бухту к самому ручью, но сами далеко от бухты не уходили.

Обрастание пером началось с хвоста и крыльев. Первые пеньки в хвосте появились 7/VIII. С 14/VIII стало оперяться брюхо, затем бока. На верхней части головы (лоб, темя, затылок) появилась узкая перовая полоска. К 1/IX началось обрастание груди, затем головы. Дольше всего пуховые участки сохранились на пояснице и в межлопаточном пространстве. К 14/IX обрастание пером у здоровых гагачат закончилось полностью, только крылья еще не достигли нормальной длины. У Хромоножки оперение шло замедленным темпом и закончилось позднее.

В первых числах октября здоровые гагачата. начали летать. По мере совершенствования полета они все лучше осваивали губу Ярнышную. Через одну-полторы недели их можно было встретить и в куту губы Ярнышной и в створе ее (протяженность губы 6 км). Но ежедневно они все же являлись за подкормкой и на отдых домой. Хромоножка еще не могла летать и попрежнему большею частью держалась вблизи дома.

До 18/X все три гаги, освоив Ярнышную губу и выход в море, все же в основном держались в районе бухты, систематически являясь на ночлег и за подкормкой на Северную станцию. 18/X половина бухты от ручья покрылась первым льдом толщиной до 0,5 см. Гагам стало трудно попадать на ручей и к дому, особенно Хромоножке, которая к этому времени летала еще плохо.

После первого льда гаги стали реже бывать в бухточке Северной станции. Держались большею частью в губе или у островов Гусенцы. Хромоножка в течение 5 дней с 11/X по 16/X жила в губе Дальнезеленецкой, где чуть не поплатилась жизнью за свою доверчивость к людям.

Приходя иногда на Северную станцию, часто в сопровождении дикарей, гаги ведут себя ручными птицами, подплывают к людям, берут корм из рук, выходят на берег к дому. Дикие гаги, приплывающие вместе с нашими питомцами, также ведут себя значительно смелее. Хотя они, видя людей, и не подплывают близко к берегу, а сбиваются в тесный табунок подальше от него, но совсем не уплывают, как это бывает в том случае, если в стае нет ручной птицы. Наоборот, обезопасив себя значительным расстоянием, дикари с интересом наблюдают за поведением их ручного собрата и человека.

Кормление воспитываемых гагачат было экспериментальным, так как в литературе мы не встречали описания опыта выкармливания гагачат, а вопросы питания молодых в природе освещены весьма поверхностно. Учитывая большую потребность в корме растущего организма и прожорливость вообще всех водоплавающих, мы отказались от какой либо нормировки кормления. Птенцы кормились вволю, а количество съедаемого корма учитывалось. Вторым моментом при кормлении гагачат было стремление сделать рацион возможно более разнообразным во избежание одностороннего развития. Впрочем, второе условие выполнить было довольно трудно, потому что гагачата при всей их прожорливости оказались очень прихотливыми в выборе корма.

Средний суточный рацион первой недели с 1/VIII по 7/VIII на 1 гагаченка был таков (в г):

Гамарусы	150
Яйцо куриное	15
Икра морских ежей	26
Мидии	15
Littorina	8
Черный хлеб	120

Весь корм, кроме черного хлеба, задавался в кювере с водой. Гамарусы давались живыми, остальной корм в рубленном виде. Гамарусов гагачата поедали с чрезвычайной жадностью,

предпочитая всякому другому корму. На втором месте по поедаемости стоял черный хлеб. Белый хлеб поедался очень неохотно. Яйцо куриное сначала не хотели есть, но, когда распробовали, стали есть охотно. Икра морских ежей Strongylocentrotus droebachyensis, Mytilus и Littorina являлись для гагачат кормом поневоле. Этот корм они ели только в том случае, если не было дано ничего другого, и то очень неохотно. Треску, нарезанную кусочками, есть не стали совершенно.

С 2-недельного возраста гагачата стали большую часть дни проводить на воле. Число кормежек в день стало сокращаться. Первая утренняя кормежка попрежнему была в 5 часов утра, после чего гагачата выпускались из помещения на волю. Дальше кормление не приурочивалось к определенным часам, а производилось тогда, когда гагачата приходили сами. В общем к 12/VIII число кормежек в день было доведено до 5—6. Масса корма скармливалась, примерно, та же, но другого состава. Ввиду того, что гагачата в основном кормились сами в свойственных им стациях, односторонность кормления устранялась. Поэтому состав кормовой дачи этого периода складывался только из гамарусов и черного хлеба, в среднем 150 г гамарусов и 200 г черного хлеба на 1 птенца в сутки. С 14/VIII гамарусы давались не ежедневно, взамен того было увеличено количество скармливаемого хлеба. Кормление приняло характер подкормки. К этому времени гагачата научились в «ваннах» на обсушке ловить тресковых мальков, которых иногда им давали также в качестве подкормки. С этого момента мальки для них стали самым излюбленным кормом, оттеснившим гамарусов на второй план.

С 20/VIII дача гамарусов была совершенно прекращена. Гагачата подкармливались 2—3 раза в сутки хлебом и изредка тресковыми мальками. При этом мальки давались в незначительном количестве, в виде лакомства, а хлеб — досыта. Такой состав подкормки сохранялся до первых чисел октября, а самая подкормка была сокращена до 1—2 раз в сутки. С первых чисел октября подкормка мальками была прекращена совершенно и оставлен один хлеб. Тогда гагачата приноровились доставать в ручье соленую треску, вымачиваемую для каланов, и щипать ее.

Таблица 1

	2/VIII	12/VIII	14/IX	17/X
Гагаченок № 1	94	139,7	1557	2345

» № 2	90,5	138,1	1472	2220
«Хромоножка»	81,3	125,5	1 105	2125
«Малыш»	80,7	——	——	——
Средний вес	88,6	134,4	1378	2223

Кроме того, они стали собирать рыбные остатки, выносимые водой из клетки каланов. Таким образом гагачата сами обеспечили себе рыбное кормление, в котором мы им отказали.

За время содержания гагачат были произведены четыре взвешивания, по которым получены следующие данные (табл. 1, в г).

Прирост за периоды между взвешиваниями определялся следующими цифрами:

	Общий	Суточн.
с 2/VIII по 12/VIII	151,6%	15%
с 12/VIII по 14/IX	102%	3,4%
с 14/IX по 17/X	161%	5,3%

Для того, чтобы делать какие-либо выводы, количество взвешиваний было явно недостаточным. Но к более частым взвешиваниям: мы не прибегали, ввиду того, что главной целью, при выращивании гагачат ставилось их приручение, к взвешиваниям же они относились нетерпимо, после них щипались, убегали от людей, не брали из рук корма. Эта нетерпимость выражалась все сильнее по мере роста гагачат.

Однако, даже эти скудные данные по взвешиваниям отражают некоторые моменты кормления и закономерных изменений в физиологическом состоянии растущих гагачат. Наибольшая интенсивность роста всякого организма приходится на постэмбриональный период, что видим и в данном случае. Кормление с 2/VIII по 12/VIII было вволю и достаточно разнообразным, что благоприятствовало проявлению этой закономерности. С 12/VIII началось интенсивное обрастание гагачат пером, т.е. они вступили в следующую физиологическую

фазу, что отразилось и на интенсивности роста: последняя значительно понизилась. В кормлении этот период характеризовался переходом на самостоятельное питание с постепенно снижающейся ролью подкормки. Но это обстоятельство не могло влиять снижающим образом на интенсивность роста, так как к этому времени в питании гагачат появился такой полноценный корм, как тресковые мальки.

К 14/IX обрастание пером в основном закончилось. К этому времени гагачата вполне освоили и самостоятельную добычу корма. Этот период характеризуется большей интенсивностью роста, чем предыдущий. Конечно, ввиду весьма малого числа взвешиваний, указанные периоды до некоторой степени условны и не вскрывают всех физиологических изменений растущего организма гагачат — полную картину динамики их роста могли бы дать только ежедневные взвешивания. Но к этому мы, как указывалось, прибегать не стали.

Настоящая работа лишний раз подтверждает исключительную приручаемость обыкновенной гаги и ее привязанность к охраняющему ее человеку. Очень интересен важен и тот момент, что три ручных гаги сумели уменьшить страх вперед человеком и у диких птиц и приучили их держаться в непосредственной близости к жилью. Постоянное пребывание диких гаг левом мысу бухточки Северной станции в расстоянии 150 м от жилья и частые заходы их в самую бухточку на расстояние до 30 м от жилья дает уверенность в том, что путем постановки искусственных гнезд здесь можно создать гнездовую колонию гаги.

Опыт западноевропейских стран может и должен быть использован нами для создания крупных гагачьих хозяйств. Для этого у нас имеются громадные перспективы, так как социалистическая и коллективная формы хозяйства будут служить мощным стимулом для осуществления этого мероприятия. В настоящее же время гага у нас используется не по-хозяйски и даже зачастую еще истребляется браконьерами.